

ТО, ЧТО ТЫ ОБО МНЕ ЗАБУДЕШЬ

A movie poster for the film 'The Key' (Тот, что ты обо мне забудешь). The central figure is a woman with long, dark, wavy hair, wearing a rich green velvet coat with gold embroidery over a white lace-trimmed blouse. She holds a small, ornate key in her palm. In the background, a man in a dark coat looks on from the left, and a glowing, ethereal image of a couple in a romantic embrace is superimposed on the right. The setting is a European city at night, with a bridge and domed buildings reflected in the water. The title is written in large, white, serif capital letters at the top, and the author's name is at the bottom.

АРИАДНА ШАФРАН

Ариадна Шафран

То, что ты обо мне забудешь

<https://litres.ru/74596199>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сколько воспоминаний о любимом человеке можно потерять, прежде чем он станет чужим?

Лея раскрывает тайны одним прикосновением. Её дар забирает плату памятью — и никогда не предупреждает, что исчезнет на этот раз.

Она привыкла к коротким приёмам и вопросам, на которые лучше бы не знать ответа. Но однажды клиентка не возвращается домой. В поисках женщины Лея оказывается среди людей, которым опасно верить, и тайн, за которые слишком дорого платить.

Ян хочет, чтобы она остановилась. Лея хочет успеть.

Но если следующая раскрытая тайна отнимет память о нём — захочет ли она снова впустить его в свою жизнь?

Содержание

Глава 1. Второй стук	4
Глава 2. Чужая подпись	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ариадна Шафран

То, что ты обо мне забудешь

Глава 1. Второй стук

Женщина за моим столом хотела узнать, изменяет ли ей муж. Я спросила, готова ли она узнать что-нибудь другое.

— Какое другое?

Она сняла перчатку с левой руки, потом снова натянула. Кольцо осталось поверх тонкой серой кожи. У состоятельных женщин Верена появилась такая мода: демонстрировать брак, не показывая рук.

— Иногда человек скрывает совсем не то, в чём его подозревают.

— Я плачу за ответ на мой вопрос.

— Вы платите за мою работу. Ответ вам может не понравиться.

На столе между нами лежал ключ. Длинный, с квадратной головкой и четырьмя бородками; такие ставили на подвальные двери. Госпожа Рута Вель принесла его в платке, будто ключ мог испачкать сумочку.

— Он носит его на шее, — сказала она. — Даже спит с

ним. Вчера я сняла, пока он был в ванне.

Я не прикоснулась к ключу.

— Вы можете просто спросить его.

— Могу. Он может просто солгать.

Из открытого окна тянуло речной сыростью и запахом жареного лука. На другом берегу грузчики ругались из-за опрокинутой тележки. Обычный вторник, половина четвёртого. До закрытия ещё два приёма, после — купить хлеб, забрать у швеи пальто. Вечером Ян обещал приготовить ужин. Он говорил об этом таким тоном, каким другие мужчины обещают взять крепость, и я уже представляла себя за столом, перед чем-нибудь обугленным.

— Сколько вы прожили вместе?

— Тридцать три года. Это имеет значение?

— Для вас.

Она посмотрела на мои руки.

Я держала их на коленях. На правом запястье было шесть шрамов, каждый длиной примерно в ноготь. В начале практики я почему-то думала, что боль поможет удержать то, что уходит.

— Вас рекомендуют как лучшую, — сказала Рута.

— Меня рекомендуют как единственную на южном берегу.

— И вы можете отказаться?

— Да.

Я ещё могла отказать. Но женщина вдруг сказала:

— Вчера он спросил, что я буду делать, если однажды не вернётся.

Руку к ключу я не протянула, хотя отказаться уже стало гораздо труднее.

Я подняла глаза.

— Вы не сказали этого, когда записывались.

— Я решила, он хочет уйти к другой. — Она попыталась улыбнуться. — Разве вы подумали бы что-то ещё?

Я придвинула журнал и вписала дату, её имя и предмет. Никаких вопросов, никаких ответов. Если клиенты хотели сохранить услышанное, им приходилось записывать самостоятельно. Чужие тайны я не хранила.

Под столом стояла жестяная коробка с моими карточками. Утром я выбирала одну и проверяла, могу ли ещё вспомнить записанное. Сегодня на карточке был день, когда отец учил меня завязывать рыболовный узел. Я помнила мокрую верёвку, свою досаду и его большой палец с чёрным ногтем. Карточку я положила обратно.

— Последний раз спрашиваю, — сказала я. — Вы хотите знать, что он скрывает, когда касается этого ключа?

Рута кивнула.

— Скажите словами.

— Да. Хочу.

Я взяла ключ.

Первые секунды я ощущала только металл — холодный по краям, тёплый возле головки. Нужно было удержать во-

прос и перестать слушать комнату. Без этого прикосновение оставалось прикосновением: я могла целый день работать с чужими вещами и ничего не прочесть.

Если следа не было, я обычно успевала остановиться. Навчавшееся чтение, даже бесполезное, забирало своё.

Потом вода за окном зашумела тише, будто кто-то закрыл дверь.

Чужое воспоминание приходило не целиком. Только место, где человек удерживал свою тайну.

Ключ в мужской ладони. Ладонь дрожит. Большой палец прижимает квадратную головку, и я чувствую, как острый угол врежется в кожу.

Передо мной дверь, выкрашенная зелёным. Краска свежая, но снизу проступает ржавчина. За дверью кто-то кашляет.

Мужчина вставляет ключ.

«На этот раз я скажу ей».

Эта мысль ощущается как моя. Чтение всегда начинается с такой ошибки: я на несколько секунд становлюсь человеком, которому принадлежит предмет. Не понимаю его жизнь, не получаю права судить. Только оказываюсь внутри того, что он прячет.

За дверью узкий коридор. На стене три чёрные полосы, одна над другой. В конце коридора сидит молодой человек в полотняной рубашке. Подняв голову, он спрашивает:

— Сегодня среда?

— Вторник, — отвечаю я чужим голосом.

— А вчера?

Вспоминание оборвалось.

Я положила ключ на стол и услышала, как он звякнул. Рута не шевелилась.

Некоторое время я не могла вспомнить, где нахожусь. Потом узнала трещину на штукатурке, свою чернильницу и женщину напротив.

— Что вы увидели?

— Молодого человека. Подземную комнату. Ваш муж приходит к нему.

Рута отвела взгляд к окну.

— Он болен?

— Не знаю.

— Как выглядит?

— Худой. Светлые волосы. На подбородке шрам.

Её пальцы перестали теревить перчатку.

— Шрам справа?

Я кивнула.

Она аккуратно сложила руки на сумочке.

— Мой сын упал с лестницы, когда ему было семь. Я тогда была на кухне. Услышала удар, а крика не было. Вот это самое страшное, знаете? Когда после удара тихо.

Я ничего не сказала.

— Но ему сейчас тридцать один, — продолжила она. — Вы сказали: молодой человек.

— Он мог быть примерно такого возраста.

— Нет. Моего сына нет в Верене.

Тишина между нами стала другой.

Я подвинула ей стакан воды.

— Где он?

— Утонул. Двенадцать лет назад.

Она произнесла это чётко, почти сердито, как если бы я могла исправить неверную запись в свидетельстве о смерти.

— Тело нашли?

— Нет.

Я снова посмотрела на ключ. В журналах суда встречались дела о людях, которые выдавали себя за погибших родственников. Но мошенник не стал бы спрашивать, какой день был вчера, с таким испугом.

— След ещё ясный, — сказала я. — Но даты в нём не было. Ваш муж собирался вам рассказать. Об этом я могу судить.

— Надеялся?

— Собирался. Боялся.

— Чего?

— Дальше я не читала.

Рута потянулась к ключу, остановилась и убрала руку.

— Прочитайте ещё.

— Нет.

— Я заплачу.

Я не любила эту часть приёма. Люди знали о цене, кото-

рую платила я; многие именно поэтому приходили с дорогими подарками и говорили тихо. Но стоило ответу оказаться неполным, собственная необходимость делала их беспощадными.

— Пока след не изменился, я увижу то же самое. Заплачу ещё раз, а вы нового не узнаете. Поговорите с мужем.

— Вы не понимаете. Двенадцать лет я...

Она замолчала. Я дождалась, пока она сможет продолжить, но вместо этого Рута достала деньги.

— Вы знаете, где находится комната?

— Нет. Только дверь и коридор.

— Вы могли бы нарисовать?

Я взяла чистый лист и нарисовала дверь, расположение замка, три полосы на стене. Рута следила за движением пера так внимательно, будто от точности рисунка зависело, узнает ли она сына.

Когда она уходила, я сказала:

— Возвращайтесь завтра. Даже если всё выяснится.

— Зачем?

— Чтобы я знала, что вы в порядке.

Она впервые посмотрела мне в лицо, а не на руки.

— Хорошо, госпожа Рейн.

Я закрыла за ней дверь, перевернула табличку на «Перерыв» и достала жестяную коробку.

На сегодняшней карточке моим почерком было написано: «Отец учит меня рыболовному узлу. Лодка привязана к вязу.

Мне девять. Он притворяется, что у него не получается».

Я прочитала дважды.

Лодку помнила. Вяз тоже. Знала, что отец любил рыбалку. Но дня больше не было. Ни верёвки, ни досады, ни голоса, который утром я могла воспроизвести с закрытыми глазами.

Я поставила на карточке крестик.

Хуже всего было то, что не получалось даже огорчиться как следует. Я понимала, что лишилась чего-то хорошего. Но хорошее уже не принадлежало мне; передо мной лежало короткое описание чужого детства.

Потом я проверила остальные карточки. Первый заработок. Зимняя болезнь. Как Ян принёс в мастерскую кота, который оказался чужим и очень недовольным. Кошачий день остался: я вспомнила мокрые усы, царапину на Яновой шее и его возмущённое «Он сам пошёл за мной».

Я положила эту карточку сверху.

Через десять минут в дверь постучали.

— Перерыв! — сказала я.

Стук повторился. Два быстрых удара, пауза, ещё один.

Так стучал Ян.

Я открыла, уже собираясь сказать, что он пришёл рано.

На пороге стоял незнакомый мальчик в куртке посыльного. Он держал корзину, накрытую салфеткой.

— От господина Ардена. Сказал, обед вы наверняка пропустили.

— А стук?

— Что?

— Кто научил тебя так стучать?

Мальчик пожал плечами.

— Он и велел. Сказал, иначе не откроете.

Я взяла корзину, дала ему медяк и задержала руку на дверной ручке. Раньше Ян никогда не передавал наш стук другим людям. Это было пустяком. Я знала, что пустяк, и всё равно почувствовала себя обманутой.

Под салфеткой лежали хлеб, сыр и две маленькие груши. Между ними записка: «Купил рыбу. Если я не справлюсь, ты сможешь раскрыть тайну того, кто её испортил. Я».

Я улыбнулась.

Потом съела хлеб и одну грушу, убрала карточки и открыла дверь для следующего клиента.

К вечеру я узнала, куда лавочник прячет выручку от жены, — без чтения, просто задав три вопроса. Второй посетитель захотел выяснить, кто из его братьев подменил завещание. Я отправила его к нотариусу. У меня случались дни, когда я не зарабатывала почти ничего, но сегодня пустота на месте отцовского голоса не позволяла снова взять чужую вещь.

Ян пришёл после шести.

В руках у него был бумажный свёрток, на рукаве — рыба чешуя. Он прижал дверь бедром и спросил:

— Ты ела?

— Твою грушу.

— Обе?

— Одну оставила тебе.

— Значит, это любовь.

Он наклонился ко мне. Я успела заметить небольшую ранку под нижней губой и поцеловала его чуть выше.

— Что случилось?

— Бритва.

— Ты брился в управлении?

— А ты собираешься проверять?

Он произнёс это легко, но мы оба услышали, как неловко вышло. Ян работал в городской розыскной службе. Я помогала людям узнавать то, чего им не говорили. Шутить об этом можно было почти всегда.

Сегодня я посмотрела на ранку ещё раз.

— Нет, — сказала я.

Он поставил свёрток на подоконник и снял пальто.

Мы поднялись в мою квартиру над мастерской. Ян умел готовить три блюда и неизменно брался за четвёртое. Я очистила картофель, пока он пытался вспомнить, когда класть в сковороду лук.

— Что ушло? — спросил он, не оборачиваясь.

Я рассказала об отце.

Он убавил огонь.

— Хочешь, останусь?

— Ты и так собирался.

— Я собирался на ужин.

Я положила очищенную картофелину в воду.

Мы были вместе почти год. У него имелась своя квартира, где вода текла по стене после каждого сильного дождя, и он упорно не перевозил ко мне вещи. Только книги оставались, одна за другой, словно переселялись самостоятельно. Я находила их на подоконнике, под кроватью, однажды в корзине с бельём.

— Останься, — сказала я.

Он кивнул. Не стал обещать, что всё будет хорошо. За это я любила его больше, чем за многие другие вещи.

Рыба вышла вполне съедобной. После ужина Ян мыл тарелки, а я сидела на столе и рассказывала о Руте Вель. Фамилии я не назвала. Обычно он не спрашивал.

— Три полосы? — переспросил он.

Вода продолжала литься ему на руки.

— На стене. Чёрные, примерно на высоте плеча.

Он закрыл кран.

— Горизонтальные?

— Да.

— Ты точно видела три?

Я слезла со стола.

— Что это?

Ян вытер руки полотенцем. Слишком тщательно: каждый палец, потом ладони.

— Может быть, старая отметка уровня воды. В нижних кварталах их ставили до постройки шлюза.

— В коридоре?

— Если здание затапливало.

Он повесил полотенце и посмотрел на меня.

— Что за клиентка?

— Ты знаешь правила.

— Знаю.

— Тогда почему спрашиваешь?

Он подошёл, но я не дала ему взять себя за руку.

— Лея. Есть помещения, куда не стоит идти одной. Особенно если кто-то держит там человека.

— Я никуда не собиралась.

— Хорошо.

— А ты?

Он помедлил.

— Я могу проверить старые подвалы у реки. Без имени твоей клиентки.

Обычно такой ответ меня устраивал: я не называла клиентов, Ян не пересказывал чужие показания. Но сейчас он слишком долго вытирал руки.

— Проверь, — сказала я.

Позднее, когда мы легли, Ян долго не засыпал. Я чувствовала это по дыханию, хотя он лежал неподвижно. В темноте мне хотелось спросить его ещё раз. Вместо этого я нашла его ладонь под одеялом.

Он сразу сжал мои пальцы.

Утром он ушёл раньше, чем я проснулась.

На кухне стояла чашка и лежала записка о том, что задер-

жится в управлении. Я убрала чашку, съела вторую грушу и спустилась в мастерскую.

Рута Вель должна была прийти в десять.

В половине одиннадцатого я проверила запись. В одиннадцать решила, что разговор с мужем вышел тяжёлым и у неё сейчас другие заботы. В полдень на пороге появился мужчина с седыми висками. В руке он сжимал серую перчатку.

— Моя жена вчера была у вас.

Я предложила ему сесть. Он остался у двери.

— Что вы ей сказали?

— Господин Вель?

— Что вы ей сказали?

Я посмотрела на перчатку.

— Где ваша жена?

— Поэтому я и пришёл. Её нет.

Он произнёс это негромко, и я вспомнила, как Рута говорила об ударе на лестнице.

— Когда вы видели её последний раз?

— Вчера. Перед ужином. Она задала мне один вопрос, я ответил. Она сказала, что ей нужно выйти.

— Какой вопрос?

— Вы должны знать.

— Мне нужно услышать от вас.

Господин Вель сел. Перчатку он положил на колено и держал ладонью, будто та могла упасть.

— Жив ли Матис.

Я подождала.

— Я сказал: да.

— И где он?

— Не знаю.

— Вы ходили к нему. Совсем недавно.

Он поднял на меня глаза.

— Да. Ходил. Но не знаю, где это.

Я подумала, что он лжёт. Потом увидела, как ему стыдно.

— Меня забирают в закрытой карете, — сказал он. — Два раза в месяц. У меня есть полчаса. Ключ я получаю на всё время, пока... пока плачу. Мне объяснили, что иначе его снова переведут.

— Кто объяснил?

— Служащий. Из Дома облегчения.

Я знала Дом облегчения. Туда приходили, когда горе мешало жить. За деньги из памяти убирали похороны, пожар, последние дни болезни. В отличие от меня, там работали с тем, что человек хотел забыть сам.

— Почему вы не обратились в розыск?

Господин Вель посмотрел так, будто я задала детский вопрос.

— Двенадцать лет назад я обратился. Они нашли его сапог.

Мы молчали.

— Вчера она сказала, что больше не позволит мне решать за неё, — продолжил он. — Вышла без шляпы. Я пошёл сле-

дом, но она велела оставить её. Думал, вернётся. Она всегда возвращалась.

Он протянул мне перчатку.

— Я нашёл это у нас на ступенях сегодня утром. Возьмите. Прошу вас.

Я смотрела на мягкую серую кожу.

За сутки след оставался достаточно ясным. Я могла узнать, что Рута скрывала, когда последний раз держала перчатку. Не куда ушла и не кто встретил её на улице. Только то, о чём она не сказала мужу. Иногда этого хватало.

Я достала журнал.

— Сначала адрес Дома, куда вы ходили. Имя служащего. Сколько платите и как передаёте деньги.

— Вы поможете?

— Постараюсь.

Он продиктовал адрес. Назвал сумму, от которой я подняла глаза. Каждый месяц он отдавал почти всё, что получал от своей пекарни.

Потом я попросила его позвать мою соседку, которая помогала в приёмной. Не хотела оставаться одна после чтения. Господин Вель вышел, и я успела достать коробку с карточками.

Сверху всё ещё лежал кот.

Я вспомнила, как Ян стоял под дождём с животным под пальто. Как мы искали хозяев. Как он потом сказал, что никогда не видел человека, который так убедительно оправды-

вається перед кошкою.

Карточку я перевернула.

Когда соседка вошла, я взяла перчатку.

Рута стояла перед зеркалом в собственной прихожей. Муж за её спиной говорил что-то о карете, о деньгах, о том, что хотел сначала убедиться.

Она почти не слушала.

Внутри у неё было одно решение: «Теперь расскажу всё. Даже если меня посадят».

Левой рукой она натянула перчатку. Кольцо зацепилось за шов.

«Нужно было сказать той женщине. Она бы поняла. Она ведь тоже там была».

След исчез.

Я услышала голос соседки, почувствовала под спиной стул. Господин Вель уже вернулся и стоял у стола.

— Что? — спросил он. — Что с ней?

Я не ответила. Смотрела на карточку, которую держала свободной рукой.

«Ян приносит чужого кота. Дождь. Первая ночь, когда он остаётся».

Я знала Яна. Помнила вчерашний ужин, ранку под губой, его ладонь в темноте.

Но кота больше не было.

И я впервые узнала из собственного почерка, что именно в ту ночь мы стали любовниками.

— Госпожа Рейн?

Я положила карточку текстом вниз.

— Ваша жена собиралась рассказать о преступлении, — сказала я. — Мне нужно, чтобы вы сейчас остались здесь. Я позову человека из розыска.

— Но она жива?

— Я не видела её смерти.

Это был единственный честный ответ, который у меня имелся.

Я вышла в приёмную и попросила соседку отправить посыльного в управление. Потом вернулась за пальто.

В нижнем ящике стола хранились документы, которые я не показывала клиентам: разрешение на практику, страховые бумаги, старые письма. Среди них лежало свидетельство о лечении в Доме облегчения.

После лихорадки. Пять лет назад. Так мне объяснили, и у меня не было причин сомневаться: ту осень я почти не помнила.

Я вытащила свидетельство.

На обороте был штамп с номером отделения. Три чёрные полосы, одна над другой.

Под ними стояли две подписи.

Первая принадлежала врачу.

Вторая — человеку, который забрал меня после лечения.

Ян Арден.

Пять лет назад.

За четыре года до нашей первой встречи.

Глава 2. Чужая подпись

Ян пришёл с другим сотрудником розыска. Тот был старше, держал под мышкой папку и сразу спросил господина Веля, есть ли у него портрет жены.

Ян посмотрел на меня, потом на перчатку на столе.

— Когда?

— Вчера вечером. Ушла из дома после разговора с мужем. Ночью не вернулась.

Он повернулся к своему спутнику:

— Бор, возьми описание и отправь людей к дому. Соседи, лавки, извозчики. Пусть кто-нибудь проверит пристани.

— Уже отправили, — сказал тот. — По дороге встретили дежурного.

Мне стало немного легче. За время, пока я ждала Яна, я успела представить Руту на дне реки. Потом возненавидела себя за то, что стояла над своим старым свидетельством, пока её, в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.